

18+

ВЛАДИСЛАВ Ф.

Письма в завтрашний день

Владислав Ф.

Письма в завтрашний день

«Издательские решения»

Ф. В.

Письма в завтрашний день / В. Ф. — «Издательские решения»,

«Письма в завтрашний день» — история о любви, которая оказывается сильнее пуль, и о вере, которая не даёт умереть даже в самые тёмные ночи. Они обещают друг другу жизнь. И слово своё держат.

© Ф. В.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Воронка	6
Глава 2. Тетрадь в клеёнчатой обложке	9
Глава 3. Письма под обстрелом	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Письма в завтрашний день

Владислав Ф.

© Владислав Ф., 2026

ISBN 978-5-0070-8809-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга: «Письма в завтрашний день»

Глава 1. Воронка

Гул прекратился так же внезапно, как и начался. Тишина показалась оглушительной, вязкой, словно вата, которой набивают гробы. Аня лежала, вжавшись в мёрзлую землю на дне неглубокой воронки, и считала. Раз, два, три... Если за десять секунд не начнётся новый прилёт, можно подниматься. Восемь, девять, десять.

Тишина звенела в ушах, перемежаясь лишь частым, захлёбывающимся стуком её собственного сердца. Девушка осторожно приподняла голову. Поле перед ней, ещё час назад искристо-белое, теперь зияло чёрными, обугленными проплешинами. Пахло кислой гарью и сырой, вывороченной наружу глиной.

Она поправила сползшую санитарную сумку с красным крестом и, согнувшись в три погибели, побежала вперёд. Сегодня был её четвёртый выход. А каждый раз казался последним — не потому что убьют, а потому что сил больше не было. Но где-то там, за колючей проволокой, среди изломанных, как спички, сосен, лежали живые люди. Живые. И это слово было приказом. Наст под ногами предательски хрустел. Каждый шаг, казалось, громом разносился по всему переднему краю, и Аня ждала: вот-вот ударит пулемётная очередь. Но было тихо. Только ветер лениво пересыпал колючую порошу.

— Помогите... — стон донёсся откуда-то слева, из-за покорёженного лафета пушки. Голос был слабым, но разборчивым. Аня рванула туда, забыв об осторожности. За лафетом, наполовину засыпанный снегом и землёй, лежал офицер. Лицо его было серым, как солдатское сукно, запёкшиеся губы что-то беззвучно шептали. Гимнастёрка на груди превратилась в кровавое месиво, смешанное с ледяной коркой.

— Потерпи, миленький, потерпи, — скороговоркой зашептала Аня, падая рядом на колени. Руки в грубых варежках плохо слушались, но она ловко расстегнула сумку, выхватила бинт и ампулу с обезболивающим. — Сейчас, сейчас я помогу.

Офицер открыл глаза. На мгновение в них промелькнуло что-то, похожее на удивление. Он посмотрел на склонённое над ним чумазое лицо девушки, на выбившуюся из-под ушанки светлую прядь волос, прилипшую к виску, и вдруг прошептал:

— Снег... как тогда...

Аня не вслушивалась в его бред. Она разрезала гимнастёрку, стараясь не смотреть на страшные, рваные раны от шрапнели. Пальцы немели от холода, бинт то и дело норовил выскользнуть и упасть в грязный снег. Наложив тугую повязку, насколько это было возможно в полевых условиях, она поняла, что главное — дотащить его до воронки. Там можно было переждать и дожждаться санитаров с волокушей.

— Ты сможешь обхватить меня за шею? — спросила она, наклоняясь ближе. — Только держись крепче, я тебя потащу.

Мужчина попытался сфокусировать взгляд. Боль, казалось, наконец прорвалась сквозь пелену шока. Он закрипел зубами и, преодолевая слабость, обхватил её плечи здоровой рукой. Аня рванула на себя, чувствуя, как хрустит позвоночник. Он был тяжёлым, очень тяжёлым. Она поползла на спине, упираясь каблуками сапог в скользкую землю, волоча его за собой. Волоком, шаг за шагом, метр за метром. Пот заливал глаза, смешиваясь с копотью, и щипал, как спирт. Но оставить его означало одно — смерть. Либо от потери крови, либо от холода.

— Не молчи, — простонала она сквозь стиснутые зубы. — Говори со мной. Как тебя зовут?

— Капитан... Соколов Андрей... — выдохнул он ей в самое ухо. Дыхание его было прерывистым и обжигающе горячим. — Ленинград... я должен вернуться...

— Вернёшься, — твёрдо пообещала Аня, делая последний рывок и скатываясь вместе с ним в спасительную глубину воронки. — Куда ж ты денешься. Мы все вернёмся.

В воронке было относительно тихо. Стены её закрывали от ветра, а на дне скопился чистый, мягкий снег. Аня перевела дух и первым делом поправила съехавшую повязку на груди капитана. Кровотечение, кажется, остановилось. Или просто кровь свернулась от холода.

Андрей лежал на спине и смотрел в небо. Там, в разрывах дыма и низких, свинцовых туч, вдруг проглянул кусочек бледной, выцветшей голубизны. От этого небесного лоскутка на дне воронки стало немного светлее.

— Ты кто? — тихо спросил капитан, с трудом поворачивая голову к своей спасительнице. — Ангел? Или мне это мерещится от морфия?

— Почти, — усмехнулась Аня, стягивая с себя ватник. — Санитарка Аня. Сейчас, у меня тут шинелька про запас была. Укройся, а то околеешь.

Она накрыла его своей одеждой, а сама села рядом, обхватив колени руками. Холод сразу же пробрался под тонкую гимнастёрку, заставив её задрожать. Андрей заметил это. Его взгляд, проясневший от болевого шока, стал более осмысленным, цепким.

— Замёрзнешь, — сказал он. В его голосе не было просьбы, скорее констатация факта.

— Ничего, — Аня поёжилась. — Сейчас наши подойдут. Держись, капитан. У тебя дома кто-то ждёт? Ты сказал — Ленинград.

На лице Андрея промелькнула тень.

— Да. Мать и сестра. В блокаде. С начала войны ни одной весточки.

Аня ничего не ответила. Что тут можно было сказать? Все знали, что такое Ленинград. Она лишь тихо, почти машинально, достала из нагрудного кармана гимнастёрки сложенный вчетверо листок бумаги и огрызок химического карандаша. Зажала его в непослушных пальцах и, согревая дыханием грифель, стала что-то выводить на бумаге.

— Ты что делаешь? — спросил Андрей, наблюдая за ней.

— Пишу, — коротко ответила Аня. — Это моё правило. Я каждому раненому пишу записку и кладу в карман. Если... ну, если что случится по дороге в госпиталь, чтобы люди знали — он не без вести пропавший. И чтобы близким передали. Имя, адрес, последние слова.

— Разумно, — капитан прикрыл глаза. — Только я ещё живой. Рано меня в списки мёртвых заносить, санитарка Аня.

— А я и не заношу, — она показала ему листок. Там было написано: «Капитан Андрей Соколов. Жить будет. Ждут в Ленинграде мама и сестра. Передайте привет от санитарки Ани».

Андрей несколько долгих секунд вглядывался в эти простые, кривоватые от холода буквы. Что-то дрогнуло в его сердце, что-то, что он считал давно убитым долгими месяцами отступлений и атак. Не сама записка, а эта нелепая вера девчонки в то, что «жить будет». И, главное, «передайте привет».

— Знаешь, Аня, — заговорил он, чуть оживившись. — Я ведь до войны архитектором был. Мосты проектировал. Красивые, арочные. Чтобы через Неву, как песня... Мечтал Ленинград украсить. А теперь я смотрю на эти руины и думаю: смо-

жем ли мы вообще когда-нибудь построить что-то красивое? Или останется у нас только искусство — бить врага?

— Сможем, — Аня говорила без тени сомнения, растирая ладонью его замёрзшую руку, чтобы разогнать кровь. — Обязательно сможем. Ты ещё нарисуешь свои мосты. А я, может быть, выучусь на врача и открою свою больницу. Только не здесь, а где-нибудь на юге, где тепло и пахнет морем. Мы же для этого и воюем, правда? Для будущего.

— Для будущего... — задумчиво повторил Андрей, впервые за долгое время произнося это слово не как лозунг, а как личную, сокровенную цель.

— Давай так, — глаза Ани вдруг загорелись озорным, мальчишеским задором. — Ты сейчас закрой глаза и представь, что мы сидим не в воронке, а на скамейке в Летнем саду. Воскресенье. Солнце. Война кончилась. Андрей послушно закрыл глаза. Гул в голове смешивался с голосом Ани.

— Мороженое продают. Помнишь мороженое? — продолжала она, её голос становился убаюкивающим, мягким. — А по Неве пароходик белый плывёт, гудит смешно так. И ты мне говоришь: «Аня, пойдём завтра посмотреть, как я новый мост строю. Назло всем ветрам построю». И я иду...

Сознание капитана поплыло, цепляясь за этот странный, почти забытый уют. Уют незнакомой девушки, которая несла его на своих плечах и теперь рисовала ему мирные картины под аккомпанемент артиллерийской канонады. Он даже не заметил, как провалился в тяжёлое, липкое забытьё.

Аня замолчала. Она сидела на дне воронки, привалившись спиной к ледяной стене, и продолжала держать Андрея за руку, чувствуя, как под её пальцами медленно, но верно пульсирует жилка жизни. Откуда-то издалека донёсся скрип полозьев — шли санитары.

В нагрудном кармане капитана лежала её записка, обещающая жизнь. А в душе у Ани затеплилось странное, незнакомое чувство. Ей вдруг отчаянно, до боли в сердце захотелось, чтобы этот капитан действительно когда-нибудь построил свой мост. И чтобы она обязательно на него посмотрела.

Глава 2. Тетрадь в клеёнчатой обложке

Медсанбат располагался в полуразрушенном здании бывшей земской школы. В классах, где когда-то пахло мелом и чернилами, теперь стоял тяжёлый дух карболки, йода и запёкшейся крови. Оконные проёмы были забиты фанерой и одеялами, но ледяные сквозняки всё равно гуляли по коридорам, заставляя пламя коптилок нервно вздрагивать.

Андрей очнулся от собственного стога. Боль не ушла — она лишь притаилась под толстым слоем бинтов, тупая, ноющая, напоминающая о себе при каждом вдохе. Он лежал на жёстких нарах в бывшем кабинете литературы. Прямо над ним, на стене, чудом уцелел обрывок плаката с портретом Пушкина. Бумажный классик смотрел куда-то вдаль, и Андрею вдруг стало невыносимо тоскливо от этого соседства — великий поэт и окровавленные бинты.

Первые дни слились в один бесконечный, мутный поток. Уколы морфия, короткие провалы в забытьё, стоны соседей по палате. Но где-то на границе сна и яви он всё время возвращался мыслями к воронке. К чумазому лицу и светлой прядке, выбившейся из-под ушанки. К голосу, который говорил про Летний сад и мороженое. И к той нелепой, смешной записке.

«Жить будет».

На пятый день он наконец смог сидеть. Пожилой военврач с усталыми, выцветшими глазами осмотрел его и хмыкнул:

— Повезло тебе, капитан. Шрапнель прошла по касательной. Ещё бы на пару миллиметров глубже — и не жилец. А так — до свадьбы заживёт.

До свадьбы. Андрей усмехнулся про себя. Когда он последний раз думал о свадьбе? Кажется, в июне сорок первого. Тогда они с однокурсниками сидели на крыше института, чертили эскизы дипломных проектов и спорили о будущем архитектуры Ленинграда. А через неделю всё рухнуло. Он попросил у медсестры бумагу и карандаш. Девушка, немолодая, с красными от недосыпа глазами, удивилась, но просьбу выполнила. Андрей долго вертел в руках огрызок карандаша, не зная, с чего начать. Потом вывел на листке всего одну строчку:

«Санитарка Аня. Найти».

Но как найти человека, о котором не знаешь ровным счётом ничего, кроме имени и того, что она носит санитарную сумку? Он начал расспрашивать сестёр. Те пожимали плечами. Ань в медсанбате было много. Одна — поварихой. Другая — на сортировке раненых. Третья — на побегушках у начмеда. Но все они были не те.

А тем временем Аня снова была на передовой. После того случая у лафета прошло уже больше недели, а она всё не могла выбросить из головы капитана-архитектора. Обычно она легко забывала лица раненых — это был защитный механизм, профессиональная привычка. Привяжешься — сгоришь. Но этот, с его тихим голосом и мечтами о мостах, засел где-то глубоко, занозой.

Она представляла, как он лежит сейчас где-нибудь в тыловом госпитале, идёт на поправку. Или не идёт. От этой мысли становилось холодно. Аня гнала её прочь и снова ползла под огнём к очередному стонущему бойцу, и снова писала свои короткие записки, и снова, уже про себя, добавляла ещё одну фамилию к списку тех, за кого боялась.

Их новая встреча произошла почти случайно. Андрей уже мог ходить, прихрамывая и опираясь на самодельный костыль. Он выбрался в коридор, подальше от

духоты палаты, и сел на подоконник, глядя, как за окном падает снег. Снег был крупный, пушистый, почти мирный. Такой же, как в тот день.

— Разрешите? — раздался рядом знакомый голос.

Он обернулся. Перед ним стояла девушка в заляпанном грязью ватнике, с санитарной сумкой через плечо. Светлая прядь выбилась из-под шапки и прилипла к виску — точь-в-точь как тогда. Аня. Его санитарка.

— Вы? — Андрей попытался встать, но костыль предательски скользнул по полу.

— Сидите, сидите, — Аня легко коснулась его плеча, удерживая на месте. — Я тут раненых привезла, с передовой. Вот, решила узнать... Мне сказали, капитан Соколов тут лежит. Живой, значит.

— Живой, — подтвердил Андрей, не сводя с неё глаз. — Благодаря вам. То есть тебе... Можно на «ты»?

— Можно, — Аня улыбнулась. Улыбка у неё была открытая, светлая, совершенно не вязавшаяся с серым, измученным лицом. — Я Аня. Но ты, наверное, уже забыл. У тебя тогда жар был, бред.

— Я не забыл, — тихо сказал Андрей. — Я всё помню. И Летний сад, и парходик, и мороженое.

Аня смутилась. Она не ожидала, что он вспомнит тот разговор. Тогда, в воронке, это казалось просто способом отвлечь умирающего. Теперь же, при свете дня, воспоминания о её фантазиях звучали как-то слишком лично, слишком интимно.

— Я тогда просто несла чушь, — пробормотала она, отводя взгляд. — Лишь бы ты в сознании оставался. Так положено.

— Нет, не чушь, — Андрей достал из кармана гимнастёрки сложенный листок. Тот самый, с запиской. — Вот, смотри. Я храню. Ты написала «жить будет». И я живу. Выходит, слово твоё имеет вес.

Аня взяла листок. Бумага была потёртой на сгибах, но буквы ещё читались. «Капитан Андрей Соколов. Жить будет. Ждут в Ленинграде мама и сестра. Передайте привет от санитарки Ани». Она провела пальцем по неровным строчкам и вдруг поняла, что плачет. Слезы потекли по щекам, оставляя светлые дорожки на грязной коже. Она не плакала с самого начала войны, ни разу. А тут прорвало. Андрей неловко, но бережно взял её за руку.

— Ну, тихо, тихо, — сказал он. — Ты чего? Всё же хорошо. Я живой. Ты живая. Снег идёт. Скоро Новый год, между прочим.

— Новый год, — Аня всхлипнула и вытерла нос рукавом. — Я уж и забыла, какой нынче год.

— Сорок третий наступает, — Андрей чуть улыбнулся. — Давай встретим его вместе? У меня тут, правда, из угощения только госпитальная баланда, но зато от души.

Так и началась их странная, короткая дружба, втиснутая в минуты затишья между боями и санитарными рейдами. Аня забежала в медсанбат, когда выпадала свободная минута — чаще всего наспех, с охапкой окровавленных бинтов или с донесением для начмеда. Андрей ждал её у окна, на том самом подоконнике, который стал его наблюдательным пунктом. Они разговаривали. Вернее, говорила в основном Аня — быстро, сбивчиво, словно боялась, что не успеет высказать всё до следующей бомбёжки. А он слушал. Аня рассказывала о себе. Родом из-под Вологды. Отец — фельдшер, мать — учительница. До войны окончила два курса медучилища, меч-

тала стать детским врачом. Когда началась война, добровольцем пошла на фронт санитаркой. Ей тогда едва исполнилось девятнадцать.

— Детским врачом, — задумчиво повторил Андрей. — Это хорошо. Дети — они же наше будущее.

— Ты всё про будущее, — усмехнулась Аня.

— А как иначе? — он пожал плечами. — Если не думать о будущем, то зачем вообще воевать? Только чтобы выжить? Этого мало. Надо знать, ради чего.

— И ради чего же?

— Ради того, чтобы когда-нибудь построить самый красивый мост в Ленинграде, — ответил Андрей. — И чтобы ты пришла на него посмотреть. И привела с собой своих будущих пациентов — пусть бегают, смеются. Жизнь, Аня, обязательно продолжится. Иначе всё зря. В один из таких вечеров Андрей достал из вещмешка небольшую тетрадь в клеёнчатой обложке. Тетрадь была старая, с пожелтевшими страницами в клеточку. На первой странице ещё довоенными чернилами было выведено: «Соколов А. В. Рабочие заметки». Дальше шли схемы, расчёты, наброски арочных пролётов.

— Мои записи, — пояснил он, бережно пролистывая. — Всё, что успел до войны. Ношу с собой как талисман.

— Красивые, — Аня всмотрелась в чертежи. — Я ничего не понимаю в архитектуре, но это похоже на музыку. Застывшую.

— Хорошее сравнение, — Андрей улыбнулся. — Я вот что подумал, Аня. У меня осталось много чистых страниц. Давай писать.

— Что писать?

— Письма. В будущее. В то время, когда кончится война. Представь: мы откроем эту тетрадь через год, или через два, или через пять. И прочтём то, о чём мечтали здесь, в сорок третьем. Это будет как капсула времени. Как доказательство того, что мы верили. И вера нас не обманула. Аня долго молчала, глядя на чистый разворот. Потом взяла карандаш — тот самый, огрызок химического, которым писала записки раненым.

— Хорошо, — сказала она. — Давай попробуем. Только я не умею красиво. Я же не писатель.

— Пиши как есть. От сердца.

И Аня написала. Всего несколько строк, но каких. Она писала о том дне, когда впервые увидела Андрея у лафета пушки. Писала о своём страхе — не за себя, а за него. И о том, что впервые за долгое время почувствовала: её жизнь нужна не только для того, чтобы вытаскивать раненых с поля боя, но и для чего-то большего. Для той самой жизни после. Андрей прочитал и ничего не сказал. Только бережно закрыл тетрадь и убрал обратно в вещмешок. На следующий день Аня снова ушла на передовую. Андрей остался в медсанбате — врачи сказали, что через неделю его, скорее всего, выпишут, и он снова вернётся в строй. Мысль об этом была горькой, но неизбежной. Война не спрашивала, готов ли ты расставаться.

Он сидел на подоконнике и смотрел, как санитарная машина увозит Аню в сторону линии фронта. В руке он сжимал ту самую записку — «Жить будет». Теперь она принадлежала им обоим.

Глава 3. Письма под обстрелом

Аня вернулась на передовую затемно. Небо на востоке уже наливалось тревожной багровой полосой, предвещая скорый рассвет, а вместе с ним — обычную утреннюю канонаду. В землянке санитарного взвода было накурено и тесно. Девушки-санитарки спали вповалку на нарах, укрывшись шинелями и всем, что попадалось под руку. Аня тихо, чтобы никого не разбудить, пробралась к своему месту — узкому дощатому топчану в углу.

Спать не хотелось. В голове всё ещё звучал голос Андрея, его слова о будущем, о мостах, о том, что жизнь обязательно продолжится. Она достала из вещмешка маленький огарок свечи, зажгла его и пристроила на пустом снарядном ящике, замевшем стол. Потом вытащила сложенный вчетверо листок, вырванный из ученической тетради — Андрей, прощаясь, сунул ей несколько чистых страниц.

«Пиши мне», — сказал он тогда. И она собиралась писать. Прямо сейчас.

Аня обмакнула химический карандаш в слюну — привычка, выработанная за годы учёбы, — и задумалась. С чего начать? «Здравствуй, Андрей»? Слишком официально. «Дорогой Андрей»? Слишком смело. В конце концов, они виделись всего несколько раз, и все эти встречи проходили на фоне войны, смерти и госпитальной суеты. Но в то же время ей казалось, что она знает его очень давно. Как будто они сидели на той скамейке в Летнем саду не в фантазиях, а на самом деле.

Она начала писать без обращения. Просто — как думалось.

«Сегодня снова был бой. Короткий, но страшный. Наши пошли в атаку на рассвете, а через час уже откатились назад. Потери большие. Я вытащила троих. Один умер у меня на руках, пока ползли к воронке. Молодой совсем, лет восемнадцать. Звали Васей. Перед смертью просил пить. У меня во фляге было немного воды, но когда я поднесла её к его губам, он уже не мог глотать. Я сделала вид, что он попил. Сказала: „Вот, теперь легче“. Он улыбнулся и закрыл глаза. Мне хочется верить, что он поверил мне. Что ему действительно стало легче».

Она остановилась и перечитала написанное. Слишком мрачно для первого письма? Но с кем ещё она могла поделиться этим? Кому ещё могла рассказать про Васю, который так и не попил? Только ему. Андрей поймёт. Он там, в медсанбате, сам каждый день видел смерть. С ним не нужно притворяться.

Аня продолжила:

«Ты говорил про будущее. Знаешь, я часто думаю об этом. Не о глобальном будущем — о победе, о восстановлении страны — это всё слишком далеко, как горизонт. Я думаю о простых вещах. О том, как проснусь утром не от грохота орудий, а от солнечного света. Как выйду на крыльцо, а там пахнет нагретой травой, а не порохом. Как позвоню маме — просто так, узнать, как дела. Не по полемому телефону, не через военкомат, а по обычному, домашнему, чёрному такому, с крутящимся диском. Помнишь такие?»

Она помнила. У них в Вологде, в квартире на Советской, висел на стене точно такой же телефон. Мама вечно ворчала, что Аня слишком долго болтает с подружками. Кажется, это было в прошлой жизни.

«Ты архитектор. Ты строишь мосты. Это, наверное, чудесное чувство — знать, что после тебя останется что-то прочное, каменное, что простоит века. Я часто думаю, что останется после меня. Мои записки раненым? Сотни перевязанных ран? Или, может быть, ничего не останется — разве что фамилия на обелиске, если пове- зёт. Но когда ты сказал про мост и про то, что я приду на него смотреть, я вдруг

поняла: после меня останется моя вера. Вера в то, что всё это не зря. Что Вася погиб не зря. Что мы выживем не зря. Эту веру я хочу оставить в той тетради, которую ты хранишь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.